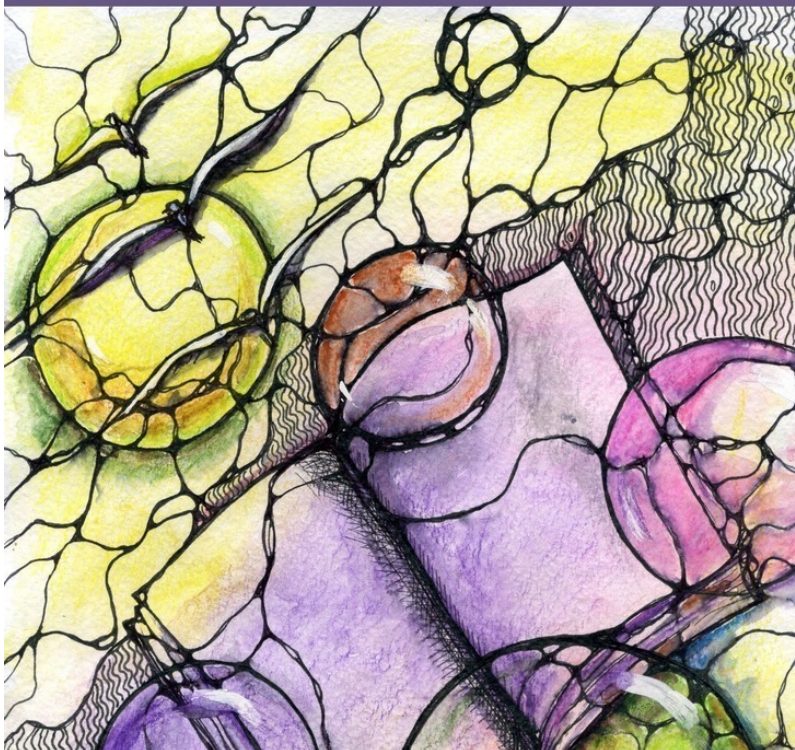

Елена Талантина (Путилина)
Я целую тебя сквозь Вселенную

Стихи

Елена Талантина (Путилина)

Я целую тебя сквозь Вселенную. Стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69759844
ISBN 9785006061460*

Аннотация

Сборник стихов разных лет. В три рубрики уместились стихотворения о любви и счастье. О простом и важном, как хлеб, детский смех, морщинки на любимых ладонях. Особо дорог второй раздел: «Бог придумал нас для Вечности». Искренне верю, что каждый найдёт здесь пару-тройку «своих» стихотворений, от которых защекочет в носу и намокнет в уголках глаз. И всколыхнётся что-то важное и дорогое в самой сердцевинке души. Приятного чтения. С любовью – Талантина Тi

Содержание

Я иду через июнь	5
Расколдую	8
Взахлёб	10
Запой	14
Обычный гений	15
По Достоевскому	17
Атмосфера старого романа...	18
Магадан	21
Ожидание	24
Обратный отсчёт	25
Кардиограмма	26
Ты мой	27
Август	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Я целую тебя
сквозь Вселенную
Стихи**

**Елена Талантина
(Путилина)**

© Елена Талантина (Путилина), 2023

ISBN 978-5-0060-6146-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я иду через июнь

ИСТОРИЯ 1

23.06.23
CPT

Струится Вечность между тонких пальцев.
И мы песчинкой вслед за ней несёмся.
В честь нашу будут звезды называться —
Те, на которых завтра мы проснёмся...

Расколдую

У меня самовар и вода из колодца.
Ноготки и тимьян на крюке у печи.
Припасённый горшочек медового солнца.
Под холстинкой льняной зреет хлеб. И горчит

Конопляное масло в зелёной бутылке.
Сядь поближе к огню, он прогонит озноб.
Усмири, наконец, норов вздорный и пылкий.
Я сварю тебе зелье. Чабрец и иссоп,

И головки ромашек, и ягод бузиновых
Брошу лёгкой рукой в старый свой чугунок.
Я так долго ждала. Это времени вывих.
Мы попали в петлю из бетонных дорог.

Мы едва не забились в агонии смертной
В ржавеющих нитях больших городов.
Мы успешны, шаблонны и эквивалентны,
Как искусственный запах тепличных цветов.

Но рассыпался морок. И скрип половицы,
И растрёпанный кот – всё опять на местах.
Я тебя расколдую, душа моя птица.

Я тебя сохраню на бумажных листах.

В двадцать строк уложу, запишу как заветье.

Запечатаю красным огнём-сургучом.

А пока – сядь к огню, просуши своё платье.

Пей мой чай. Ешь мой хлеб. Не грусти ни о чём.

Взахлёб

Взвесь пыльцы, дождя и солнца
В хрустале души.
Заливается, смеётся
Лето. Не спеши.

Поцелуй его в макушку,
Расчеши вихры.
Не считая дни-веснушки,
Не боясь жары

Разгонись, и, будто в речку,
В август окунись.
Если можешь быть беспечным,
Будь, и не стыдись.

Пей глотками это лето,
Пей его вздохом.
Стань улыбкой, счастьем, светом,
Будь как мотылёк!

И, запутанные в гранях
Хрусталя души,
Рифмы летние на память

В небе запиши.

* * *

Мир бездонный твоих ладоней.
Погружусь в него с тихим стоном
И растаю в бреду медовом.
Я в ладонях твоих – как дома.
Я к ладоням твоим так часто
Жмусь макушкой своей беспечной.
Ты меня наградил Счастьем,
Я с тобой разделю Вечность.

* * *

Я стою и слушаю скворца.
Клён макает кудри в воды неба.
Впереди – дорога без конца.
За спиной – котомка с коркой хлеба.

В точке сотворения миров
Упиваюсь мартовским похмелем.
Под пасхальный звон колоколов
Я достигла маковки апреля.

Растворила сердце-акварель
В синеве весенней воспалённой.
Надышалась солнцем. А теперь
Слушаю скворца под старым клёном.

* * *

Она варила карамель,
Водила ложкой.
Ждала отчаянно апрель,
Играла с кошкой.
Она ждала – вот-вот, сейчас!
– и не сбывалось.
Просила: ну, в последний раз!
Такая малость!
Она опять ждала весны
С её мечтами...
...А кошка спит и видит сны:
Апрель с котами.

Запой

Утро богато на рифмы и чувства,
Льются стихи волной.

Я не умею играть в искусство,
Я ухожу в запой.

Я ухожу гадать на ромашках,
Петь и плести венки.

Быть перелётной – совсем не страшно,
Но не всегда с руки.

Быть перелётной, не зная стаи, —
Значит, идти на риск.

И я опять одна улетаю,
Рифмой напившись вдрызг.

Обычный гений

Фёдор Михалыч покинул свой призрачный Питер.
Дышит черёмухой в дикой сибирской глуши.
Сбросил бадлон, нарядился в растянутый свитер,
И наконец-то совсем никуда не спешит.

– Аннушка, чаю! Покрепче, голубушка, право!
Впрочем, оставьте! Пойдемте, мой друг, до реки.
Там, за Уралом, остались густые дубравы.
Здесь же певучие сосны стройны и легки.

– Аннушка, слышишь? Звенит розоватое тело,
Бабой лоснится на солнце, исходит смолой.
Вот и березка – на вольных хлебах раздобрела,
Барынькой важной присела у тропки лесной.

– Аннушка, ангел, а приступы, кажется, реже.
Думаешь климат? Ну, что же, дай Бог, поглядим.
Я в этом рае совсем не слежу за одеждой.
Это преступно! А, впрочем, пойдём, поедим.

Грузная поступь. Сутулясь по давней привычке,
Тихо бредёт, опираясь на локоть жены.
Вечер обычный. И гений гуляет обычный.

Запах черемухи. Обыкновенные сны.

По Достоевскому

Петербург – как чахотка в больных альвеолах поэта.
Рвёт на части дыхание, сбивает на шёпот слова.
В мятых складках тумана, в дожде уходящего лета,
Как в плаще пилигрима, бредет, спотыкаясь, Нева.

Ах, Настасья Филипповна, Вам так к лицу этот климат,
Эти хмурые тучи, и львы, и Казанский собор.
Истонченные нервы, и фразы – как пули, навывлет.
И застывший осколком в горячей груди приговор.

Город, бьющий по хрупким, молитвенно сложенным паль-
цам,

По спокойствию грубых, уверенных, сильных сердец.
Петербург, я прошу, закружи еще раз меня в танце,
Прежде чем мне на голову ляжет последний венец...

Атмосфера старого романса...

Прошлой ночью был сильный ветер.
Ветви гнулись под ним, стонали.
И встревоженно таял старый
Одинокий оглохший пёс.

Серебро потемнело. Светел
Блик сухого вина в бокале.
Пальцы тронули гриф гитары.
Пыль покрыла бутоны роз.

Обветшал старый дом у пруда,
Где русалки шалили в мае.
Дно разохшейся старой лодки
Выстилает упругий мох.

Пей глинтвейн, и не знай простуды.
Лёгкий хмель тебя обнимает.
Станешь сонным, ленивым, кротким,
Как последний осенний вздох.

Резвится Август-вдохновитель.

Стихами брызжет мне за ворот.
Обрывками паучьих нитей
Сшивает туч овечий полог.
Зеленой мишурой березы
Шуршит, щекочет ее ветром.
И заплетает в рифмы прозу,
Сдувая с пыльных улиц лето.

А небо – синее-синее
С сединками облаков.
Здесь люди живут красивые
Среди полярных снегов.

Здесь люди живут надежные,
И преданные сердца.
Здесь верится в невозможное.
Здесь есть любовь до конца.

В озерной глади Карелии —
Глаза живые Земли.
Ее легенды овеяли,
В ней буйно сказки цвели

Про светлые чувства сильные,

Про теплый очаг и кров.
Про небо, синее-синее,
Сквозь снежную кипень веков.

Магадан

Возьми меня с собою в Магадан.
Там холодно, там белые медведи.
Закинем шмотки в старый чемодан,
И на оленях сквозь пургу уедем.

Заляжем чудо-нерпами в сугроб,
И всполохи полярного сиянья
Нас поцелуют незаметно в лоб,
Мелькнут в зрачках тоскливым ожиданьем.

Давай с тобой уедем в Магадан
Пока найдут – пересечём границу
Реальности, чтоб там развоплотиться
И снова воплотиться. Но – в туман.

Возьми меня с собою в Магадан...

Пушистый плед и пёстрые подушки
На кресле ждут, когда же ты придёшь.
Душистый чай из трав в тяжёлой кружке,
Том Пастернака. За окошком дождь.

Ленивы незатейливые мысли:
Полинь цветы, достать к обеду утку.
Давно плевать на даты. Это числа,

Им нет числа. А у тебя – минутка,

Чтоб затаиться в кресле и забыться.

Передохнуть, и вновь бежать по кругу.

...Давно облез пушистый плед. И выцвел

Том Пастернака. Обжигает руку

Душистый чай в старинной жёлтой кружке.

И в изголовье – пёстрые подушки.

Август кисти раздает.

Мелкий дождь целует ручки.

Легкий выдох – и вперед!

Солнце. Небо. Чайки. Тучки.

Все, на что хватило глаз

Зарисую на прощанье.

Август, в стопоследний раз,

Не давай мне обещаний...

Ожидание

Ну, что? Ещё один рывок?

Всего четыре воскресенья.

Я засекаю новый срок.

Я отмечаю оживление:

Бодрей на кровле воробыи

На солнце прогревают спинки.

Клюют рябину снегири.

В сугробах – тёмные ложбинки.

И вроде, каждый год одно:

Капель, ручьи, гам птиц и лужи...

Но повторяю всё равно:

– Весна, скорей! Мне март мой нужен!

Нетерпеливей с каждым днём

И незатейливее строчки:

– Скорей, весна. Мы очень ждём.

В ответ:

– Спешу. Я тоже – очень.

Обратный отсчёт

До весны сто двадцать дней.
Осень в изморозь уходит.
Мир хмелеет в хороводе
Ветра, листьев, новостей.

В межреберье бьётся гулким
Градом в профильную жёсть
Беспокойная мазурка:
– Шансов нет. Надежда есть.

До весны сто двадцать дней.
Умирать совсем недолго.
А потом, – подумать только!
Никаких календарей...

...

Отсыревшим, прелым, палым
Стылым духом напитал
Ветер землю. И, усталый,
В голых ветках задремал.

Кардиограмма

Володе

На частоте сердечных сокращений
Построена мелодия любви.

Кардиограмма наших отношений
Как нотный лист. Ты помнишь?
– Раз-два-три...

Вальсируем по отсыревшим листьям,
По стрелам льда, по стрелкам на часах.
И почерк, как кардиограмма, быстрый
Мои стихи хранит в черновиках.

Ты мой

Ты мой – до дрожи в солнечном сплетении.
До глупых слёз. До бестолковых слов.
До трепета, до умопомрачения.
Ты – целый мир. Ты – лучший из миров.
В твоих губах Создателя дыхание.
В твоих руках – спасительный покой.
Ты – самое заветное желание.
Со мною, без меня – навеки мой.

Глаз твоих синь весенняя.
Блики в апрельской сырости.
Где мне найти спасение?
Как столько счастья вынести?

Мне по любому поводу
Имя твоё мерещится.
На другом конце города
Жду тебя, твоя женщина.

Август

Тишина внутри меня.
Среди грохота железа,
Посреди речного плеска,
Треска яркого огня —
Тишина внутри меня.

Тишина внутри меня.
Нежным шелком,
Пышной ватой,
Хлопковой, голубоватой:
Розоватые края —
Тишина внутри меня.

Это Август слезы вылил,
Сбив с дороги хлопья пыли.
И, молчание храня,
Небо хлынуло в меня...

13.07.23r
JKT

Я куплю себе новенький чайник,
Заварю в нём душицу и мяту.
Я сама себе буду начальник.
Я не буду ни в чём виноватой.

Нарисую пунцовое небо,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.